

На правах рукописи

Мосова Диана Владимировна

БЛОКОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2016

Работа выполнена на кафедре русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Александрова Мария Александровна

Официальные оппоненты:

Кулагин Анатолий Валентинович, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», профессор кафедры литературы;

Шевяков Евгений Григорьевич, кандидат филологических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Нижегородская государственная медицинская академия», доцент кафедры русского языка

Ведущая организация – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «**Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых**»

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2016 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 999.061.03 на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» по адресу: 603000, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и на сайте <http://dis.unn.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Воздействие Александра Блока на лирику XX века, сопоставимое по своему масштабу только с пушкинским, давно стало предметом литературоведческих исследований. При этом недооцененным в науке фактором остается особая избирательность восприятия и личная пристрастность поэтов к великому предшественнику. Большинство тематических исследований представляют собою обзоры, в которых рассматриваются: рецепция творчества Блока, характерная для поэтических поколений в целом; превращение ключевых образов и мотивов Блока в общепоэтическое достояние; «открытие» поэтами заветных произведений Блока, мотивированное прежде всего новыми культурно-историческими обстоятельствами. Даже монография о «наследниках» Блока, содержащая персональные главы¹, построена на выявлении единственной – романтической – тенденции в послеблоковской поэзии, отчего творческая индивидуальность героев книги в значительной степени нивелируется. В то же время необходимо признать, что первый этап осмысления блоковской традиции совпал с незавершенным процессом ее формирования, когда еще не возникла дистанция, способствующая углубленному изучению проблемы.

Обновление принципов исследования литературной преемственности связано с актуализацией идей М.М. Бахтина о диалоге художника с заочными собеседниками «в большом историческом времени»; переосмыслением самого понятия традиции, которая не только «выбирается» в прошлом, но и «творится» в настоящем (В.Е. Хализев, М.Н. Эпштейн); разработкой теоретической и практической поэтики цитации в лирике (З.Г. Минц и др.).

Сегодня сложились объективные предпосылки для монографических исследований поэтической традиции, связанной с именем Александра Блока.

¹ Любарева Е.П. «Алмаз горит издалика...». Блоковские традиции в советской поэзии. М., 1987.

Выбор темы данной работы обусловлен литературной репутацией Булата Окуджавы как наиболее «блоковского» поэта в послевоенном поколении.

Степень разработанности проблемы. Единичные упоминания Окуджавы в блоковедческих статьях 70-х – начала 80-х гг., неудовлетворительная интерпретация его принадлежности к «линии Блока» в книге Е.П. Любаревой дают весьма приблизительное представление о сущности вопроса. Пионерской явилась статья А.К. Жолковского (1979), которая содержит краткие, небесспорные, но продуктивные положения о типологических и преемственных связях лирики Окуджавы с творчеством Блока. На следующем этапе (1990-е – начало 2000-х гг.) проблема «Окуджава и Блок» активно разрабатывалась (статьи О.А. Клинга, В.И. Новикова, Л.С. Дубшана, глава в монографии Р.Ш. Абельской и др.), побуждала к дискуссии (работы С.С. Бойко, В.А. Куллэ). Попытка концептуализировать «блоковское» в творческой личности Окуджавы, предпринятая Д.Л. Быковым, автором биографии поэта в серии «Жизнь замечательных людей», вызвала единодушную критику рецензентов, что, однако, не привело к дискредитации самой научной проблемы.

Актуальность работы связана: 1) в общем плане – с приоритетной тенденцией изучения интертекстуальных связей поэзии XX века; 2) в конкретном отношении – с необходимостью углубленного изучения истоков творческой индивидуальности Булата Окуджавы, чье самоопределение происходило в диалоге с Александром Блоком.

Объект исследования – творчество Александра Блока и лирика Булата Окуджавы, **предмет** – те аспекты лирической поэтики Окуджавы, которые обусловлены рецепцией и творческой интерпретацией поэзии Блока.

Целью исследования является анализ конкретных проявлений традиции Александра Блока в лирике Булата Окуджавы.

Цель определяет **задачи** работы:

1) Обосновать понимание традиции в современном литературоведении, определить собственную позицию в полемике о сущности этого явления.

2) Охарактеризовать своеобразие традиции в лирике; суммировать результаты изучения поэтической цитаты как «механизма» преемственности и «маркера» традиции.

2) Описать представления о традиции Блока в лирике XX века, сложившиеся в литературной критике и литературоведении второй половины столетия, с учетом рефлексии о ценности наследия Блока поэтов, творчески близких Окуджаве.

3) Проследить систему блоковских цитат и реминисценций в лирике Окуджавы, классифицировать их разновидности, осмыслить конкретные смыслопорождающие функции.

4) Осмыслить закономерности рецепции в лирике Окуджавы разновременных, в том числе антитетичных блоковских образов.

5) Соотнести цитатные знаки диалога Окуджавы с Блоком и общие принципы создания высокого женского образа, построения иерархии ценностей.

6) Систематизировать теорию литературного жанра романса, выявить специфические черты блоковского романса.

7) Раскрыть потенциал жанровой формы романса в лирике Окуджавы; исследовать трансформацию общежанровых и блоковских принципов романса у Окуджавы.

8) Мотивировать выбор поэтических «собеседников» Окуджавы, включенных в диалог с Блоком; исследовать поэтику лирического «полилога».

Методологическую основу диссертации составляют достижения сравнительно-исторического и структурно-типологического подходов, представленные в трудах современных исследователей традиции – З.Г. Минц, В.Э. Вацуро, В.Н. Топорова, В.Е. Хализева, а также наследующих классикам литературоведения ученых (работы М.Н. Эпштейна, А.М. Ранчина, Е.А. Козицкой, С.С. Бойко и др.).

Научная новизна работы определяется необходимостью системного, целенаправленного, детального изучения традиции Александра Блока в лирике Булата Окуджавы, которое предпринимается впервые.

Положения, выносимые на защиту, сводятся к следующему:

1. Востребованность наследия Александра Блока в лирике XX века обусловлена, с одной стороны, универсальностью коллизии «идеальное – реальное», неистребимостью «племени мечтателей» (Е. Замятин), а с другой – острой реакцией поэтов иной эпохи, иного творческого склада на уникальный духовный опыт предшественника, что выразилось в диалектике притяжения и отталкивания.

2. Булат Окуджава принадлежит к поэтам, активно «созидающим» традицию, реализующим в диалоге с Александром Блоком свою творческую индивидуальность, не избегающим полемики с классиком.

3. Разветвленная система блоковских цитат и реминисценций в лирике Окуджавы, будучи наглядным знаком традиции, освещает сами «механизмы» литературной преемственности.

4. Иерархия ценностей поэтического мира Окуджавы строится по модели блоковского «двоемирия», которое определяет принципы создания образа идеальной Женственности и статус лирического героя. При этом мистическая сторона блоковского идеализма для Окуджавы остается чуждой.

5. Окуджава не просто наследует романсовый строй блоковской лирики, но развивает новации предшественника в области жанра, преодолевает «консервативность» романса, создает собственный романсовый стиль.

6. Блоковская поэзия в рецепции Окуджавы сопрягается с творческой интерпретацией иных художественных миров, что рождает многогеройный «полилог» с участием не только наследников блоковской традиции в XX веке (М. Светлов, Б. Ахмадулина), но и таких далеких от Блока поэтов, как Ш. Руставели и Р. Киплинг.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы XX века, спецкурсах и семинарах, в школьном преподавании.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на всероссийских научных конференциях: «Булат Окуджава: вопросы жизни и творчества» (Переделкино, 2008), «Художественный текст и культура» (Владимир, 2009), «Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре» (заочная конференция) (Волгоград, 2010), «Колдовство и мастерство» (Переделкино, 2011), XVI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2011), Грехневские чтения – IX (Нижний Новгород, 2012), «Булат Окуджава: опыты молодых – II» (Переделкино, 2013), XVIII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2013), Грехневские чтения – XI: литературное произведение в системе контекстов (Нижний Новгород, 2016).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение и библиографического списка, включающего 188 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении указываются объект, предмет исследования, обосновывается актуальность исследования, излагаются цели и задачи работы, определяется ее научная новизна, характеризуются методологические основы и формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Блоковская традиция в лирике XX века (теоретический и историко-литературный аспекты)» состоит из четырех разделов.

В *разделе первом* (1.1) **«Традиция как литературоведческая проблема»** уточняется соотношение терминов «традиция»,

«традиционализм», «канон», прослеживается история полемики о традиции в отечественной науке. Освещается критика Ю.Н. Тыняновым «неопределенности» понятия традиции в литературоведении XIX в. и значение для современной науки тыняновской концепции «борьбы и смены» в литературном процессе. Признается правомерность оценки М.О. Чудаковой большого массива работ на тему «классики и советские писатели» как «текстов, лежащих вне науки» (отмечается также стремление преодолеть издержки этой практики, характерное еще для теоретических штудий А.С. Бушмина). Констатируется «возвращение» понятия традиции в современное литературоведение, обусловленное актуализацией идей А.Н. Веселовского (даже гений, открывающий новые пути, «вступает в область готового поэтического слова»¹) и М.М. Бахтина («Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте»²).

Приводятся современные определения традиции как «инициативного и творческого (активно-избирательного и обогащающего) наследования культурного (и, в частности, словесно-художественного) опыта, которое предполагает достраивание ценностей, составляющих достояние общества, народа, человечества»³; акцентируется понимание традиции как свободно избираемой и создаваемой каждым большим художником XX века⁴.

Выделены аспекты традиции, важные в методологическом отношении. Приятие литературного наследия есть и дело инициативного выбора художника, и условие самой его принадлежности к миру культуры, «коллективной по самому своему существу»⁵. В отличие от «фоновой» традиции (подчас «анонимной» и неотрефлексированной), «конкретная»

¹ Веселовский А.Н. Мерлин и Соломон. М.; СПб., 2001. С. 643.

² Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст-1974: Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 207.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002. С. 391.

⁴ Эпштейн М.Н. Тема и вариация // Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. М., 1988. С. 121.

⁵ Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 5.

традиция всегда представлена рассчитанными на узнавание элементами¹, проявлениями «авторerefлексивной памяти» художника². Таким образом локализуется предмет исследования.

В разделе втором (1.2) «Традиция в лирике и поэтическая цитата» отмечено, что литературоведение прошло путь от представления о цитате как «улике несамостоятельности, неоригинальности» поэта, подчиненного «влиянию» предшественника, до осознания роли «чужого слова» в диалоге поколений, школ, творческих индивидуальностей; от эпизодического анализа цитат как подспорья в решении конкретных историко-литературных и поэтологических задач – до выработки новых методик исследования механизмов и форм литературной преемственности. Освещается позиция исследователей, использующих «рабочие» термины «интертекстуальность», «интертекст», но считающих необходимым размежеваться с постструктуралистской концепцией текста, редуцирующей роль автора³; ей противопоставляется идея В.Н. Топорова о межтекстовых связях, которые «относятся к “высшим этажам”, субъективно окрашены, знаково отмечены»⁴.

Современными литературоведами подчеркивается общетеоретическая ценность статьи З.Г. Минц «Функции реминисценций в поэтике Ал. Блока». Первостепенное значение для целей нашего исследования имеет предложенная З.Г. Минц классификация разновидностей и функций «чужого слова» в лирике, а также следующие положения монографии Е.А. Козицкой «Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте»: цитата служит подключению к чужому тексту (художественному миру) и формированию (приращению) смысла воспринимающего текста вне зависимости от степени своей точности; цитаты эксплицированные и непроявленные, максимально

¹ Ранчин А.М. Роль традиций в литературном процессе // Теория литературы. Т. IV. М., 2001. С. 10–11.

² Смирнов И.П. Порождение интертекста. 2-е изд. СПб., 1995. С. 126.

³ Ранчин А.М. Традиции русской поэзии XVIII–XX вв. в творчестве И.А. Бродского. Дис. <...> д. ф. н. М., 2001. С. 5–6.

⁴ Топоров В.Н. О «резонантном» пространстве литературы (несколько замечаний) // Literary tradition and practice in Russian culture. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman. Rodopi, 1993. P. 16–21.

сближенные со «своим» словом, равноправны в функциональном отношении; лексические цитаты «наиболее разнообразны как по своим типам, так и по художественным возможностям»¹.

В разделе третьем (1.3) «**Рефлексия о блоковском наследии в культуре второй половины XX века: поэты и “доценты”**» анализ высказываний современников Окуджавы позволяет сделать вывод об особой избирательности творческого восприятия и потенциальной готовности поэтов к полемике с предшественником (даже при большой читательской любви к его лирике); это осложняет концепцию Блока-классика, которая складывается в «юбилейной» литературной публицистике и историко-литературных обзорах.

Отношение самого Окуджавы к Блоку явно менялось со временем: «Знаете, Блока я очень люблю, особенно *раньше* он мне был очень близок»². Блок (в отличие от Пушкина и Пастернака) Окуджавой не обожествлялся, и это определяло особый характер творческого диалога, переходившего в полемику, но долгое время не достигавшего той остроты размежевания, о которой говорили другие поэты (в частности А. Кушнер и А. Тарковский, Окуджаве во многом творчески близкие).

Обращение к специальным работам о блоковской традиции в поэзии XX в., опубликованным в период наибольшего интереса к данной теме (1960–1980-е гг.), дает представление как о методологических трудностях, так и об идеологических (а также цензурных) ограничениях: поэт, который не наследовал блоковских идей «вечного боя» и «музыки революции», неизбежно оказывался на периферии внимания. Отдельные высказывания о первостепенном значении Блока для творческого самоопределения Окуджавы не были своевременно введены в научный оборот и фактически принадлежат уже другому периоду – как источники аргументов в ходе

¹ Козицкая Е.А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. Тверь, 1999. С. 54.

² Окуджава Б.Ш. «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 204.

полемики о Блоке и «последнем символисте», изложенной в *разделе четвертом* (1.4): **«Блок и Окуджавы: к постановке проблемы»**.

На фоне категорического отрицания самого факта родства Окуджавы с поэзией «серебряного века» (В.А. Куллэ) преобладают суждения о прочности и органичности этих связей (О.А. Клинг, Вл.И. Новиков, Р.Ш. Абельская). Поэтическую преемственность по-разному оценивают А.К. Жолковский и Л.С. Дубшан: первый отнес поэзию Окуджавы к «некой популярной версии символизма»¹; второй настаивает на том, что общедоступность окуджавского символизма свидетельствует об эстетическом вкусе современного поэта, преодолевшего напыщенность символизма «родоначального»². В итоге приводятся свидетельства того, что мысль о поэтическом родстве Окуджавы с Блоком прочно вошла в современное культурное сознание.

Глава вторая «Типы и функции блоковских цитат в лирике Булата Окуджавы» посвящена выявлению конкретных текстуальных связей лирики младшего поэта с художественным миром предшественника и уточнению характера преемственности.

В *разделе первом* (2.1) **«Поэтика цитирования в лирике Окуджавы»** подчеркивается, что отсылки к миру Блока в лирике Окуджавы должны быть рассмотрены как одна из граней поэтики традиционалиста, устремленного в то же время к духовным и эстетическим открытиям. Точные, дословные и в особенности развернутые блоковские цитаты у Окуджавы редки; характерно, что одно из немногих исключений – полемическое по отношению к автору «Скифов» стихотворение «Мне русские милы из давней прозы...», проанализированное С.С. Бойко³. Напротив, лаконичное и скрытое цитирование, «растворение» воспринятого поэтического слова в собственной речи свидетельствует и о творческом родстве, и об оригинальности

¹ Жолковский А.К. «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 135.

² Дубшан Л.С. О природе вещей // Окуджавы Б.Ш. Стихотворения. СПб., 2001. С. 28–29.

³ Бойко С.С. «О минуте возвышенной пробы...»: Поэзия Булата Окуджавы. М., 2010. С. 139–140.

прочтения источника. Признаком блоковской традиции могут быть не только идейно-образные переключки с предшественником (во всех их формах и разновидностях), но и преемственность в самих принципах ведения литературного диалога. Предложенная З.Г. Минц типология цитат, характерных для Блока (литературные имена, атрибутивный принцип обозначения персонажей и / или ситуации, художественные предикаты как способ воссоздания связи между «именами текста», мифемы и др.), находит соответствие в лирике Окуджавы.

Систематическое исследование блоковского пласта в лирике Окуджавы начато с наиболее явной отсылки к источнику – цитатному имени, чему посвящен *раздел второй (2.2): «“Имена” героини и героя в лирике Окуджавы: от “Песенки о московском муравье” (1959) до “Романса” (1988)»*. Цитатное именование героини возникает в зрелой лирике Окуджавы («В моей душе запечатлен портрет одной *прекрасной дамы...*» и др.), когда его репутация «нового певца Прекрасной Дамы» (Марран) уже сложилась; в 70-е годы наступает пора рефлексии поэта об истоках своей образности. Теперь блоковское «имя» Прекрасной Дамы становится контекстуальным синонимом более ранних обозначений героини окуджавской лирики (*богиня, ваше величество женщина, пани*). Эволюция «имени» не влияет на общие принципы создания высокого женского образа, шире – построение иерархии ценностей, самоопределение лирического героя по отношению к идеалу Вечной Женственности. С другой стороны, уже в конце 1950-х годов для лирического героя найдено «муравьиное имя» («Песенка о московском муравье»), восходящее к эссе Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь»: отзвук блоковской поэтизации крестьянской магии – «простонародный» жест героя Окуджавы («...захотелось в ноженьки валиться»), включенный в ряд других проявлений смирения перед олицетворением идеала.

Раздел третий (2.3) «Атрибутика идеальной героини и ее рыцаря: структурные и текстуальные связи с лирикой Блока» освещает

предысторию сближения блоковских Прекрасной Дамы и Незнакомки в рецепции поэтов новых поколений (в частности, у Мандельштама и Маяковского); этим объясняется тот факт, что запечатление идеала женственности в лирике Окуджавы опирается на приемы, хранящие память о разновременных блоковских стихах. К миру Блока отсылают устойчивые атрибуты героини и ее рыцаря: женский облик «развеществляется», портрет редуцирован к мотиву взора, глаза – небесного или морского цвета (с неизменным акцентом на пространственной отдаленности героини); лирический герой ощущает себя под властью взора, направленного «с недоступной, сказочной высоты», «с неба». Структурные соответствия подкрепляются конкретными текстуальными связями: «Снится или не снится?..» и «Иль это только снится мне?» («Незнакомка»); «Глаза – словно неба осеннего свод...» и блоковское «Как небо, встала надо мною...» (и др.). Цитаты-парафразы выдвигают в «сильную» позицию начала стихотворения наиболее поразившие Окуджаву блоковские образы.

В разделе четвертом (2.4) **«Блоковский источник мифемы “женщина-звезда” в лирике Окуджавы (“По Смоленской дороге” и “Окрай небес – звезда омега...”)**» освещены источники звездной образности в лирике Окуджавы. В творческой памяти поэта, несомненно, жили блоковские образы метельных просторов России, где «звезда из-за туч не видна»; преемственные образы-символы зачастую полигенетичны. Но коллизия разлуки с женщиной-звездой («На дорогу Смоленскую, как твои глаза, // две холодных звезды голубых глядят, глядят») в данном случае имеет первостепенное значение: в финале отпадают бытовые мотивировки повторяющихся разлук, частный конфликт земной любви перерастает в коллизию блоковского типа – вечную: устремленность к идеалу погружает героя во вселенский холод и мрак, но только такому человеку сияют звезды. Окуджава открывает новые поэтические возможности в соединении символики звездной и зимней, по-своему передавая драматизм служения высшему идеалу.

Раздел пятый (2.5) «Мифологема пути в “Песне” Блока и в “Ночном разговоре” Окуджавы: функционирование точной цитаты» показывает, что «Ночной разговор» связан с миром Блока не только типологически (указано О.А. Клингом), но и непосредственно: первая строка – «Мой конь притомился, стоптались мои башмаки...» – близка к началу второй строфы «Песни»: «Мой конь утомился, храпит подо мной...». Цитата служит знаком диалога с предшественником: героическому пафосу юношеского стихотворения Блока противопоставляется дух сомнения в достижимости цели – при сознании невозможности для странника иной судьбы.

Раздел шестой (2.6) «Система блоковских реминисценций в стихотворении Окуджавы “Две дороги”» посвящен анализу позднего стихотворения Окуджавы (1985), которое можно считать этапным в истории творческого диалога с Блоком: лаконичный текст уникален по насыщенности блоковскими реминисценциями разных типов, которые сведены воедино по принципу «художественного предиката» (согласно классификации З.Г. Минц). Наиболее актуальны связи с «Поэтом» Блока: именно на этом фоне становится очевидной миссия лирического героя, устремленного к «женщине в окне» и наделенного даром гармонизации мира.

Разнообразие типов блоковских цитат в лирике Окуджавы и активная их роль в смыслопорождении свидетельствуют об интенсивности творческого диалога с великим предшественником.

Глава третья «Жанровый аспект блоковской традиции в лирике Окуджавы: романс» разделена, соответственно решаемым задачам, на прамбулу (3.1) – «Вопрос о романсе в окуджавоведении» – и три части (раздела) с подразделами: в первую очередь рассматриваются спорные вопросы теории романса как литературного жанра и основные подходы к осмыслению романсовой природы блоковской лирики; на этой основе освещается наследование Окуджавой блоковских открытий в области жанра и поэтический диалог с предшественником, маркированный цитатами.

В разделе втором (3.2) **«Романс как литературоведческая проблема»** рассматривается место романса в системе русской лирики; романс отмечен, в качестве «младшего» жанра, изначальной «неопределенностью» и «текучестью». Историко-литературные и теоретические работы Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума позволяют конкретизировать основные признаки жанровой формы, а статьи М.С. Петровского нацеливают на постижение сущности романса через его тематику и персонажей: «У романса нет “тем”, у него есть только одна тема: любовь»; романс «последовательно уходит от социальных, исторических, политических аспектов бытия», создает утопический мир «для двоих», ограниченный «заветным» местом («уголок», комната, «старый дом», «старый сад» и т.п.); утопическое время измерено «заветным» или «роковым» часом, мигом; воспоминание (или напоминание) об этом миге определяет лирический сюжет (сюжет верности или измены, забвения); романс стремится превратить миг в вечность, «уголок» – во вселенную¹. Специфика воплощения особой романсовой эмоциональности оказывается значимой и для «формального» (Б.М. Эйхенбаум), и для «содержательного» (М.С. Петровский) исследовательского подхода.

В разделе третьем (3.3) **«Проблема романса в блоковедении»** прослеживается история осмысления романсовой природы блоковской лирики от первых опытов рефлексии (3.3.1 **«Современники А. Блока о романсовой традиции»**) до итоговых исследований (3.3.2 **«Романсовая традиция в осмыслении блоковедения 1960–2000-х гг.»**). Этот обзор выявляет ряд проблем, которые могут быть разрешены совместными усилиями теоретиков жанра и блоковедов. К сожалению, в недавнем диссертационном исследовании А.А. Боровской «Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века»² романсу уделено наименьшее внимание среди других жанров, а вопрос о романсе в творческой рецепции

¹ Петровский М.С. «Езда в остров любви», или Что есть русский романс // Вопросы литературы. 1984. № 5. С. 65, 67, 70.

² Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: Автореф. дис. ... д. ф. н. Астрахань, 2009.

Блока даже не поставлен. Тем не менее мы считаем возможным сделать предварительные выводы, позволяющие уточнить жанровый ракурс сопоставления лирики Блока и Окуджавы: именно блоковский опыт усложнения проблематики романса открывал перспективу развития консервативного жанра в творчестве поэта другого поколения.

Этим обусловлен предмет исследования в *разделе четвертом* (3.4) **«Романсовая лирика Окуджавы в свете блоковской традиции»**. Традиция Блока в ее жанровом аспекте характеризуется прежде всего философской глубиной; «романсовая утопия» преодолевается по-новому понятым драматизмом любовной коллизии. Во всех стихах Окуджавы, восходящих к романсу и демонстрирующих связи с блоковской лирикой («Тьмою здесь все занавешено...»), «Еще один романс», «Романс»), налицо обращение к вопросам, которые не вписываются в жанровые рамки, так как не соответствуют романсовому канону счастливой или бедственной любовной истории. Вслед за Блоком Окуджава уходит от романсовой однозначности в трактовке ситуации «он и она».

Первый подраздел четвертого раздела (3.4.1) **«“Блоковское” в стихотворении Булата Окуджавы “Тьмою здесь все занавешено...”**» посвящен анализу приемов, преобразующих романсовое свидание в духе символистского видения Вечной Женственности: высшее идеальное начало не имеет конкретного облика; чудесная гостья, перепутавшая «улицу, город и век», не может воплотиться в мире лирического героя, оставаясь «на пороге стоять». Титулование героини Окуджавы – «Ваше величество женщина» – восходит к наречению Прекрасной Дамой героини Блока; о преемственности свидетельствует и реминисценция из блоковского стихотворения «Зову тебя в дыму пожара...» (ср.: «О, ваш приход – как пожарище...»). По-блоковски трансформируется смысл романсового диалога: вопрошание и призывание безответной героини служит освещению неразрешимой коллизии идеального и реального. В то же время Окуджава не наследует патетику романсовых стихотворений Блока, их открытую эмоциональность, призванную передать

страстный порыв к идеалу. В отличие от старшего поэта, Окуджаву привлекает к быденной («неромансовой») лексике, допускает разговорно-иронические интонации, характеризуя таким образом позицию лирического «я», усомнившегося в своем праве на чудо. Неравенство героев, значимое и в мире Блока, тем самым усугубляется.

Во *втором подразделе* четвертого раздела (3.4.2) «**“Еще один романс” Булата Окуджавы: блоковский контекст**» подчеркнуто, что само жанровое заглавие анализируемого стихотворения указывает на длительность традиции; непосредственно к Блоку отсылает именование *прекрасной дамой* идеальной героини, чьи «глаза в иные дни обращены». Но вопрос о жанре лирического высказывания Окуджавы усложняется следующим обстоятельством: ассоциативный контекст произведения сформирован, с одной стороны, романсовыми (по определению К.И. Чуковского) блоковскими стихами «О доблестях, о подвигах, о славе...» и «Ты была у окна...», а с другой – грустно-ироничной концовкой «Поэта», по примеру которой завершается «Ещё один романс». Разрабатывая блоковскую по своим истокам ситуацию двойничества (антитеза «прекрасная дама – наши дамы»), автор также отступает от законов жанра, не зная иронии. Творческая интерпретация романсового наследия Блока расширяет жанровые рамки; при этом ориентиром для Окуджавы служит именно блоковская коллизия идеального и реального.

Третий подраздел четвертого раздела (3.4.3) «**“Романс” Окуджавы: трансформация жанра в диалоге с Блоком**» показывает, что позднее стихотворение Окуджавы (1988) в наибольшей степени соответствует формальным критериям жанра: выдержано единство высокого стиля, традиционна композиция, основанная на принципе градации (описанном в работах Б.М. Эйхенбаума). Тем не менее каноническую – «локальную» – любовную проблематику романа это произведение по-блоковски перерастает: страдание лирического героя обусловлено тем, что явление идеала раскалывает мир его души надвое. Условно-поэтическое имя *дама*,

устойчиво соединяемое с романсом, подчеркивает значимость блоковских ориентиров в творчестве Окуджавы.

В *Главе четвертой* **«Блоковское наследие в контексте лирического полилога»** исследуется активное взаимодействие разных художественных впечатлений поэта¹.

В *разделе первом* (4.1) **«“Песенка о комсомольской богине”: от Светлова – к Блоку»** осмыслена «иерархия» поэтических источников стихотворения. Смысловое пространство организовано системой аллюзий к стихотворениям Светлова («Рабфаковке», «Каховка»), где героини гражданской войны предстают в свете идеала Вечной Женственности, а также к блоковскому «Перед судом» и к «Двенадцати», что в итоге, с одной стороны, проблематизирует ценность советской героики, с другой, защищает от позднего исторического суда дорогого человека – «прекрасную маму» лирического героя, первую Прекрасную Даму в его жизни.

В *разделе втором* (4.2) **«“Не бродяги, не пропойцы...”: киплинговский фон блоковского стихотворения»** рассматривается соединение в рецепции Окуджавы двоемирия блоковской «Незнакомки» и морской топики Киплинга. Хотя идеальная женщина подобна «желанному берегу», присутствует она в мире лишь сиянием – светом «синих маяков» (ср.: «И очи синие, бездонные // Цветут на дальнем берегу»). В то же время духовный, уединенный подвиг блоковского мечтателя Окуджава «овнешнивает», наделяя своих романтиков свойствами героев Киплинга, действующих на просторах мира. Закономерно, что в более позднем стихотворении Окуджавы «Письмо Антокольскому» Блок и Киплинг окажутся вместе на «корабле поэтов».

В *разделе третьем* (4.3) **«“По дороге к Тинатин”: Блок и Руставели в творческом сознании Булата Окуджавы»** исследуется творческое

¹ Понятием полилога мы пользуемся вслед за Ю.М. Лотманом, который ввел его в работе «“Чужое слово” в поэтическом тексте» (Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С.112).

сближение далеких по времени, но типологически родственных художественных миров; сама постановка этого вопроса оправдана активным интересом Серебряного века к творчеству средневекового грузинского поэта. Цикл Окуджавы «По дороге к Тинатин» (1964) и примыкающие к нему стихотворения («Мы приедем туда, приедем...» и др.) построены на блоковских коллизиях, лишь подсвеченных – благодаря ономастической отсылке к поэме Руставели – грузинским колоритом: это устремленность «переименованной» Прекрасной Дамы в земной мир, двойничество (идеальной героине противостоят её ложные подобия), переживание лирическим героем духовного единения в разлуке («Я славлю ту разлуку, // что связывает нас»). Само же название цикла выражает идею пути, восхождения к идеалу, столь характерную для Блока.

В разделе четвертом (4.4) «**“Считалочка для Беллы”**: поэтическое многоголосие» предметом внимания являются литературные связи, сближающие автора и адресата – Беллу Ахмадулину. «Легкомысленный» детский жанр считалочки оказывается формой сокрытия драматичного разминовения с Вечной женственностью, которая на земных путях всегда «то ли поздняя невеста, // то ли юная вдова». Эксплицитно даны отсылки к лирике Пушкина и Лермонтова, имплицитно – к миру Блока. В литературный полилог вовлекается стихотворение Ахмадулиной «Несмеяна» как ответ на блоковское: «...Смотри, царевна, // Ты будешь плакать обо мне» («Так окрылено, так напевно...»). Тем самым Окуджава отождествляет Царевну (Прекрасную Даму) с женщиной-поэтом, дает почувствовать живое и таинственное присутствие идеала Вечной Женственности в повседневности.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования.

Активное освоение-сотворение поэтических традиций как одно из важнейших условий новаторства – универсальная художественная тенденция лирики XX века. Своеобразие диалога Окуджавы с Блоком во многом обусловлено структурой творческого пути младшего поэта. После первых десяти лет активного сочинительства, отмеченного эклектикой, множеством

литературных «влияний», в 1956-м году, пережив глубокий кризис, Окуджава начинает всё заново. Время окуджавских «ранних шедевров» (С.С. Бойко) насыщено признаками интенсивного перечитывания Блока. Глубоко своеобразным результатом приобщения к миру Блока стали: «Песенка о комсомольской богине», «Песенка о синих маяках» («Не бродяги, не пропойцы...»), «Снится или не снится?...», «Мне нужно на кого-нибудь молиться...», «Ваше величество женщина», «По Смоленской дороге», «Глаза – словно неба осеннего свод...», «Ночной разговор».

Уже для «раннего» периода лирики Окуджавы показательное разнообразие текстуальных знаков преемственности (классифицируемых нами с опорой на концепцию З.Г. Минц): точные цитаты немногочисленны, преобладают парафразы, атрибуты героев и «родоначальной» лирической ситуации (Её явление, узнавание Её, служение Ей), художественные предикаты и мифемы. О роли блоковского импульса свидетельствует устойчивый прием – вынесение цитатных образов и мотивов в сильную позицию начала текста.

Те же приемы отсылок к лирике Блока характерны для последующих этапов творчества; эволюционирует только принцип именования идеальной героини, становящийся откровенно «цитатным» на рубеже шестидесятых – семидесятых годов и остающийся таким до конца: вводя в свою лирику «имя» Дамы, Окуджава соединяет его с канонизированным Блоком жанром романса («Арбатский романс», «Еще один романс», «Романс»). Тем самым подчеркивается непрерывность диалога с предшественником.

Эволюция «имени» в лирике Окуджавы не влияет на принципы создания высокого женского образа, шире – построение иерархии ценностей, самоопределение лирического героя по отношению к идеалу Вечной Женственности. Окуджава, с одной стороны, следует за общей для поэтов XX века тенденцией сближать между собой блоковские образы периода «тезы» и «антитезы» (Прекрасную Даму и Незнакомку), а с другой, на определенном этапе неизбежно начинает рефлексировать о Её раздвоении на

«единственную» и «многих», «небесную» и «земную». Потенциальная демоничность «павшей» на «горестную землю» героини Блока исключена из мира Окуджавы. Предметом его особого внимания становится блоковский «Поэт» (1908), где коллизия двойничества предстает как неузнавание в земном идеального. С этим источником текстуально и концептуально связаны «Еще один романс» (1975) и «Две дороги» (1985). Если в ироничном «Еще одном романсе» поэт признает заведомую невозможность обретения идеала на земных путях, то стихотворение «Две дороги» удивительным образом преодолевает безнадежность. Начиная поэтический рассказ с календарного символа двоимирия, варьирующего блоковскую антитезу «зимнего плена» и далекой весны, Окуджава далее перераспределяет функции героев: устремленность их друг к другу пронизывает «расколотое» мировое пространство духовной энергией. Драматичный опыт Блока для поэта иной эпохи служит отправной точкой в поисках гармонического «восполнения» реальности.

На уровне жанра также очевидна непрерывность и продуктивность диалога Окуджавы с Блоком. Для обоих поэтов жива романсовая «память жанра», его обаяние, но ощутимы и его стеснительные границы. Именно Блок привнес в «наивный» жанр философскую проблематику, преодолел «романсовую утопию» мира «для двоих» (М.С. Петровский), разомкнув любовную коллизию в вечность. Во всех стихах Окуджавы, генетически восходящих к романсу и демонстрирующих связи с блоковской лирикой, ситуации ожидания, свидания, разлуки мотивированы не романсовой «судьбой», счастливой или бедственной, а философской коллизией «идеальное – реальное». Самобытность жанрового мышления и стиля Окуджавы определяется его отказом от романсовой патетики, сохраненной Блоком. Порыв к идеалу в лирике Окуджавы не ослаблен, но выражен косвенными средствами, зачастую передан обыденной («неромансовой») лексикой, завуалирован разговорно-ироническими интонациями. В трагическом «Романсе», где явление идеала раскалывает душу лирического

героя, нет места иронии, но о страдании поведано с характерной для Окуджавы сдержанностью. Это соответствует общим принципам его лирического самовыражения, которые далеки от блоковского (индивидуального и эпохального) чувства личной избранности и соответствующих прав на откровенность перед лицом всего мира.

Творческое самоопределение Окуджавы происходит в большом художественном контексте, во взаимодействии со множеством собеседников-поэтов – и «в присутствии» Блока, реализуясь как лирический полилог.

Великий предшественник может выступать в качестве посредника между поэтами (Светлов и Окуджава, Ахмадулина и Окуджава), каждый из которых по-своему наследует традицию. Творческая свобода в столкновении далеких поэтических миров (Киплинг и Блок, Руставели и Блок) характеризует столько же яркую поэтическую индивидуальность Окуджавы, сколько и богатство блоковского наследия, неисчерпаемого по возможности художественных прочтений.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Александрова М.А., Мосова Д.В. Блоковские истоки стихотворения Булата Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. Т. 1. С. 23–26.

2. Мосова Д.В. Стихотворение Булата Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...»: диалог с Блоком на фоне Киплинга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т. 12. 2012. Вып. 2. С. 85–88.

3. Мосова Д.В. Блоковская традиция в стихотворении Булата Окуджавы «Тьмою здесь все занавешено...» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1-2. С. 194–196.

4. Мосова Д.В. Блоковский импульс в стихотворении Булата Окуджавы «Ночной разговор» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 241–244.

В других изданиях:

5. Мосова Д.В. Поздняя лирика Булата Окуджавы: блоковский контекст // Сб. студенческих научных работ. Вып. 2. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 60–63.

6. Мосова Д.В. Образ Прекрасной дамы в лирике Окуджавы и проблема блоковской традиции // Булат Окуджава. Опыты молодых: мат-лы I науч.-практ. конф. молодых ученых, 12 апреля 2008 г., Переделкино. – Изд. 2-е. – М.; Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2011. С. 22–25.

7. Александрова М.А., Мосова Д.В. «Песенка о комсомольской богине»: диалог с Александром Блоком // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6. – М.: Булат, 2009. С. 106–116.

8. Мосова Д.В. «Еще один романс» Булата Окуджавы: блоковский контекст // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. – Владимир: ВГГУ, 2010. С. 269–274.

9. Мосова Д.В. Пространственная и календарная символика двоимирия в стихотворении Булата Окуджавы «Не сольются никогда...» // Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. – Волгоград: Парадигма, 2011. С. 201–204.

10. Мосова Д.В. Блок и Руставели в творческом сознании Булата Окуджавы // Голос надежды: Новое о Булате. М.: Булат, 2013. С. 291–308.

11. Мосова Д.В. «Романс» Окуджавы: жанровый аспект блоковской традиции // XVIII Нижегород. сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 22–25 окт. 2013 г. – Нижний Новгород: НИУ РАНХ и ГС, 2013. С. 114–116.

12. Мосова Д.В. Стихотворение Булата Окуджавы «Считалочка для Беллы»: поэтическое многоголосие // Голоса: Сб. статей к шестидесятилетию Андрея Крылова. М.: Булат, 2015. С. 39–48.